

О.И. ЗЕВЕЛЕВА

(Москва)

Ольга Игоревна Зевелева – аспирант кафедры анализа социальных институтов факультета социологии НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ ВШЭ. E-mail: ozeveleva@hse.ru.

Тел.: +79037658904

Адрес: Москва. Улица Академика Анохина дом 9 корпус 1 квартира 467

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД И КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЧЕТАНИЯ

Биографический метод в социологии и метод критического дискурс анализа на первый взгляд малосовместимы. В то время как биографический метод основан на изучении индивидов как социальных акторов, критический дискурс анализ основан на анализе политических и общественных структур и их идеологической составляющей.

Биографические исследования в социологии основаны на анализе текстов нарративных интервью, которые являются продуктом взаимодействия интервьюера и респондента.

Критический дискурс-анализ, напротив, основан на изучении существующих документов и текстов, которые созданы в определенных институциональных контекстах, например в медийных или государственных. В данной статье автор рассматривает возможности сочетания данных методов. В статье изложены основные положения биографического метода в социологии, рассматриваются базовые принципы критического дискурс анализа, проанализированы перспективы сочетания данных методов, и приведен пример эмпирического исследования, в рамках которого такое сочетание подходов открывает новые интерпретативные возможности.

Ключевые слова: дискурс-анализ, биографические исследования, миграция, качественные методы.

At first glance, biographical methods in sociology on the one hand and critical discourse analysis on the other hand occupy opposite positions on the structure-agency spectrum. While biographical sociology assumes great agency on the side of interviewees and examines an interview as text, critical discourse analysis focuses on texts produced in specific institutional frameworks. This paper examines the possibilities and limitations for combining these two approaches in a research project. First, the author juxtaposes the underlying assumptions of biographical research as done by Gabriele Rosenthal and the foundations of critical discourse analysis as done by Siegfried Jäger. Next, the author presents an example of an empirical situation where a combination of the approaches can be methodologically sound for a qualitative research project. The author thus offers a methodological argument for combining biographical sociology with critical discourse analysis, illustrating the merits of such a mixed approach with the example of a study on biographies of Russian-Germans and discourses which surround Russian-German policies in Germany.

Keywords: discourse analysis, biographical studies, migration, qualitative methods.

Введение

Попытка соединить дискурс-анализ и биографический подход в одном исследовании важна тем, что такое сочетание может дополнить современные биографические исследования развернутым инструментарием, который позволил бы учесть институциональные контексты биографических рассказов. Биографические данные, в свою очередь, могут расширить дискурс-аналитическую оптику, которая обычно основывается на текстовых источниках с ссылкой на институты, которые их производят, без учета действий релевантных акторов. Сочетание этих методов может позволить исследователю рассмотреть одну проблему с двух сторон: биографически и институционально, в обоих случаях работая с текстами и анализируя язык.

Тем не менее, данные методы редко используются в рамках одного исследования. За последние два года начали появляться эмпирические работы, авторы которых совмещают приемы биографического метода с дискурс-аналитическими приемами, но в рамках социальных наук еще не существует глубокой методологической рефлексии на эту тему. Р. Вундрак, например, исследовала сообщества китайских мигрантов в Румынии в свете общественного дискурса о китайском районе Бухареста, сочетая дискурс-аналитические приемы с этнографией [1]. М. Пон-Вайдингер, в своем исследовании женщин, работающих на расчистке города от развалин после Второй мировой войны, исследует биографические рассказы этих женщин в контексте дискурсивного

конструирования разных типов жертв войны в австрийском обществе [2]. Также в своей статье «Хакамада – опыт деконструкции политической биографии» Е. Ю. Рождественская показывает, что во время биографического интервью респондент иногда отказывается от выстраивания рассказа о жизненном пути в форме нарратива, представляя интервьюеру вместо этого готовый конструкт политической идентичности [3]. Такие интервью пронизаны политическими дискурсами. В таком случае Рождественская предлагает работать с «дискурсивной текстуальностью» и исследовать, как в интервью производятся значения [3]. При анализе интервью с Ириной Хакамой Рождественская использовала метод дискурс-анализа Н. Фэркло. Эти исследования включают в себя мультиметодологические элементы, но авторы не применяют в сочетании полного набора операций биографического метода и критического дискурс-анализа к сбору и анализу данных.

Данная статья предлагает рефлексию на тему сочетания расширенного инструментария каждого из этих двух методов в рамках одного исследовательского проекта¹. Автор приводит пример сложившейся в рамках социологии программы исследования биографий по Г. Розенталь, а также описывает распространенную школу критического дискурс-анализа по З. Йегеру. Эти подходы схожие по степени формализации поэтапного сбора и анализа данных, но они применимы к разным типам данных. Поэтапное описание того, как представители биографической и дискурс-аналитической школ обрабатывают социологические данные позволяет автору продемонстрировать плодотворность сочетания двух методов. При этом автор уделяет внимание и важным методологическим различиям между школами. Различия необходимо выделить для понимания того, почему эти методы редко сочетаются, а также для того, чтобы определить, какие типы данных подходят для применения каждого из методов. Автор демонстрирует возможность соединения двух методов в рамках одного проекта на примере исследования идентичности российских немцев, проживающих в Германии.

Основные характеристики биографического метода

Биографический метод в социальных науках является качественным подходом, основанном на изучении истории жизни индивида. основанном на проведении и анализе нарративно-биографических интервью. В данной статье рассматривается распространённая традиция биографического метода, которая базируется на проведении и

¹ В данной статье автор не относит сочетание биографических методов и критического дискурс-анализа к «смешанным исследованиям» (*mixed methods research*), так как понятие «смешанные исследования» обычно подразумевает сочетание качественных и количественных методов. В этой статье идет речь о качественном исследовании, которое сочетает в себе традиции различающихся между собой подходов.

анализе нарративно-биографических интервью и включает в себя таких исследователей, как Ф. Щютце, Г. Розенталь, У. Апитч, М. Кеттиг, М. Коли, Г. Лутц в Германии; Д. Берто, К. Делacroa во Франции; К. Кажмирска и Т. Ференч в Польше; Р. Брекнер в Австрии; Е. Рождественская и В. Семенова в России. Мы сконцентрируемся на подходе Г. Розенталь, которая с середины 1990-х и на протяжении 2000-х гг. разрабатывает формализованный инструментарий для социологического изучения биографий, который активно воспроизводится немецкими, британскими, польскими, французскими и российскими исследователями, в том числе и в групповых проектах. Подобные проекты включают в себя, например, исследование 1990 г. социальной мобильности в России в трех поколениях под руководством Д. Берто, сравнительное исследование начала 2000-х гг. локальной динамики социальной изоляции в городе под руководством К. Делаacroa, исследование молодежи 2005 г. в условиях профессиональной подготовки М. Кеттиг, и исследование 2009-2011 гг. семей Российских немцев в Германии Г. Розенталь.

Современные биографические исследования по Г. Розенталь основаны на следующих допущениях: для того, чтобы понять и объяснить социальный феномен, необходимо реконструировать происхождение, преобразование и преемственность этого феномена; для того, чтобы объяснить социальное действие, важно знать не только о факте социального действия, но и о развитии социального действия во времени и о восприятии индивидами в настоящем своих действий в прошлом; это восприятие может выявить биографический рассказ, который упорядочивает жизненный опыт индивида [4]; для того, чтобы понять конкретный опыт индивида, его необходимо рассмотреть в контексте всего биографического опыта этого индивида [5, S. 178]. Согласно данному подходу, анализ частных биографий важен для изучения общества в целом, так как при рассмотрении каждой жизненной траектории можно выявить те социальные условия, которые сделали отдельно взятую биографию возможной.

Метод Г. Розенталь включает в себя два этапа исследования: интервью и последующий анализ в форме реконструкции биографии. Нарративно-биографическое интервью по Г. Розенталь проводится в соответствии со строгим разделением интервью на две части: первая часть – нарративная, в ходе которой интервьюер задает первый вводный вопрос респонденту о его жизни в целом. Во время ответа респондента на первый вопрос интервьюер не должен прерывать ответ или задавать уточняющие вопросы. Ответ респондента на вводный вопрос может длиться от пятнадцати минут до полутора часов. Это называется «нарративный блок». Вторая часть заключается в расспросе со стороны интервьюера: интервьюер в хронологическом порядке может задать множество открытых уточняющих вопросов, которые тоже должны стимулировать нарративы [5, S. 151].

Нарративы, тем самым, обрамляют индивидуальный опыт рассказчика как совокупность событий в его жизни [4, с. 77].

Последующий анализ транскрипта интервью Розенталь называет «реконструкцией кейса» [5, S. 187]. «Реконструкция» в данном контексте обозначает подробное письменное описание событий. Согласно данному методу, исследователь своими словами выписывает в хронологическом порядке все, что релевантно для интервью и для исторических эпох, описанных респондентом. Сама реконструкция кейса представляет из себя составление списка описанных в интервью событий и формулировку гипотез относительно каждого события. Это требует глубокое понимание исторического контекста всех событий. В рамках реконструкции также проводится анализ отдельных наиболее важных отрывков из интервью [5, S. 202]. Это позволяет сличить рассказанное с произошедшим, а также рассмотреть рассказанное в контексте различных возможностей в историческом контексте.

При построении своего метода Г. Розенталь старалась учесть критику предшествующих биографических подходов и разработала наиболее полный инструментарий для изучения биографий. Например, Г. Буде в конце 1980-х гг. критиковал Ф. Щютце, учителя Г. Розенталь, за то, что в его подходе рассказ индивида и опыт индивида в биографических исследованиях сводятся к единому целому, и достоверность рассказа не проблематизируется исследователем [6]. Г. Розенталь по этой причине разводит «жизнь рассказанную» и «жизнь прожитую», предусматривая в своем методе на стадии реконструкции кейса проверку исторических и биографических фактов с помощью внешних источников, а также выявление противоречий и неточностей в нарративах [5, S. 186]. Г. Розенталь также указывает на то, что целью анализа является выявление смыслов, которыми респондент наделяет жизненный опыт именно в момент интервью, тем самым отвечая на критику П. Алхайта о том, что индивиды постоянно переосмысливают свой жизненный опыт в зависимости от контекста [7]. Тут возникает вопрос о том, насколько качественно проведено исследуемое интервью, так как это влияет на интерпретативные возможности при его обработке. Не каждое интервью содержит в себе нарратив, полный набор базовых жизненных событий в жизни респондента, и не каждое интервью может дать результат при реконструкции кейса. Такие проблемы устраняются путем накопления опыта интервьюирования.

Основные характеристики критического дискурс-анализа

Дискурс-анализ представляет собой исследовательскую программу в рамках социальных наук на стыке лингвистики, политологии и социологии. Лингвистический анализ дискурсов включает в себя изучение того, как индивиды взаимодействуют с помощью языка, и как индивиды интерпретируют лингвистические коды [8, p. iv]. В лингвистике «дискурс» обозначает то, как предложения в речи или в тексте связаны между собой и как они формируют значения [9, p. 18]. Лингвистические подходы стали важными для политологов благодаря конструктивистскому повороту в политологии, в рамках которого язык приобрел важный статус в объяснениях того, как формируется политическая реальность [10]. Так, политологи и представители других социальных наук на протяжении 1980-х гг. стали изучать, каким образом дискурсы отражают властные отношения в политике и в обществе, и как властные отношения, в свою очередь, отражают дискурсы [11].

Данная статья рассматривает критический дискурс-анализ, ставший популярным в социологии в последние годы. Исследователи этой школы предпринимают попытку операционализировать некоторые идеи М. Фуко. В разработку данного направления внесли значительный вклад З. Йегер, Ф. Майер, Р. Водак, Н. Фэркло, Т.А. ван Дейк, К. Кэмпбелл, Р. Келлер, Л. Филлипс, и М. Йоргенсен.

Критический дискурс-анализ исследует роль дискурсов в воспроизводстве власти и доминирования [12, p. 249]². «Дискурс» в рамках этой парадигмы определяется как институционализированный способ коммуникации, который регулирует и воспроизводит определенные социальные практики, а следовательно является источником власти [13, S. 60]. Тем самым дискурсы не только отражают реальность, но создают ее [14, p. 36]. Метод критического дискурс-анализа как правило применяется к текстовым источникам в виде новостных или медиа ресурсов, нормативно-правовых актов, исторических документов, официальных высказываний, речей и т. д.

Основываясь на традициях М. Фуко, З. Йегер и Ф. Майер разработали поэтапный метод качественного критического дискурс-анализа, который мы рассмотрим в данной статье [14]. Это один из возможных подходов к критическому дискурс-анализу, который активно применяется в немецкой социологической среде и сочетает в себе базовые элементы многих подходов других исследователей, работающих в данном ключе [15; 16]. Данный метод заключается в циклическом анализе текстовых данных, начиная со структурной характеристики дискурсивной нити, глубокого анализа типичных дискурсивных фрагментов, и заканчивая общими заключениями относительно

² «Доминирование» в рамках этой парадигмы обозначает власть (в значении «влияние») институтов и групп, которая приводит к неравенству (политическому, культурному, классовому, этническому, расовому, гендерному, и т.д.) [12, p. 250].

дискурсивной нити. Дискурсивная нить – это аналитическая конструкция, которую Йегер определяет как сумму текстовых фрагментов (фрагментов дискурсов) на одну тему [14, р. 46]. Такой темой может быть «русские немцы в Германии».

На начальной стадии исследования, после формулировки исследовательского вопроса, Йегер призывает сформировать список источников, связанный с исследовательским вопросом. Исследователю необходимо обосновать релевантность каждого источника в контексте исследовательского вопроса. Следующую стадию отбора материала и анализа Йегер называет «структурным анализом» [14, р. 53]. Этот этап включает в себя общее описание корпуса документов, относящихся к дискурсивной нити, короткую характеристику каждого документа, вычленение важных тем внутри корпуса и фиксацию частоты их упоминания, фиксацию связей с другими дискурсивными нитями («дискурсивные сплетения») [14, р. 54]. В рамках этого этапа данные о каждом документе вносятся в таблицу. На основе структурного анализа источников отбираются типичные фрагменты дискурса, анализ которых включает в себя изучение контекста, изложение характеристик фрагмента (визуальные элементы, структура изложения, затронутые темы), фиксацию риторических приемов (форма аргументации, символы, тропы), вычленение идеологической составляющей текста, и описание общего замысла текста [14, р. 55].

На основе структурного анализа и подробного анализа типичных фрагментов формируется характеристика целой дискурсивной нити. Характеристика дискурсивной нити позволяет исследователю ответить на вопросы о том, какие идеологические взаимосвязи просматриваются по отношению к общественно значимой теме, с помощью каких приемов эти взаимосвязи поддерживаются на уровне языка, а также кем и как конструируются определённые представления в обществе о заданной теме и какие идеологии и иерархии за этим стоят.

В данном методе есть проблема выборки: не очерчены четкие границы возможных эмпирических данных для исследования, которые отбираются на основе значений, вкладываемыми исследователем в источники. Также проблематичным может оказаться циклический характер постоянного выписывания краткого содержания разных текстов. При некоторых обстоятельствах анализ может быть подменен описанием содержания источников, и метод критического дискурс-анализа не предусматривает схемы, по которой можно перейти с дескриптивного уровня на следующий уровень анализа [17]. Тем не менее, критический дискурс-анализ по З. Йегеру стал распространенным среди социологов и политологов, и существует множество групповых и индивидуальных исследований, в рамках которых успешно применялся такой подход. В частности, Совет по экономическим и социальным исследованиям (*Economic and Social Research Council*)

финансировал на протяжении десяти лет (1996-2006) проект по изучению дискурсов о беженцах и лицах, ищущих убежище, в прессе Великобритании. Также данному походу посвящены несколько известных академических журналов, такие как *Critical Discourse Studies*, *Discourse and Society*, *Discourse and Communication*, и *Discourse Studies*.

Проблемы сочетания

Рассмотрение проблем сочетания данных подходов отчасти может объяснить, почему до сих пор существует мало эмпирических исследований, которые совмещают биографический метод и критический дискурс-анализ. Рефлексия на тему противоречий между подходами необходима и для того, чтобы исследователь мог вдумчиво отбирать материал, к которому каждый метод применим. Несмотря на то что обе традиции работают с текстовыми данными и с анализом языка и контекста, исследователи биографической социологии и критического дискурс-анализа редко пересекаются между собой. Это связано с множеством факторов: разные траектории развития школ в разных социологических сообществах, различающиеся основные источники исследований (эмпирический материал), разные взгляды на агентность в обществе, а также различающееся понимание соотношения общего и частного, или генерализируемого и специфического.

Главная причина, по которой представители данных школ не совмещают эти методологические подходы при анализе и сборе данных, заключается в их институциональном разделении. Школы развивались в разных контекстах непересекающимися между собой группами исследователей. Формализация рассмотренного в данной статье биографического подхода происходила в 1980-е и 1990-е гг. в Германии. Критический дискурс-анализ был разработан и формализован как отдельный подход впервые в 1970-е гг. в Ланкстерском университете при школе лингвистики, опираясь на теории М. Фуко. Исследовательский комитет «Биография и общество» (исследовательский комитет номер 38) был создан в рамках Международной социологической ассоциации в 1984 г., и с тех пор данный комитет остается главной платформой для обмена опытом и разработками среди социологов, работающих в данном ключе. Основой институционализации школы критического дискурс-анализа стал симпозиум, созданный в Амстердаме в 1991 г., который продолжает существовать в качестве рабочей группы по сей день. В 1990 г. также был создан журнал «Дискурс и общество» (*Discourse and Society*), который до сих пор является ядром разработки и эволюции критического дискурс-аналитического метода и его разновидностей. Так, биографические исследователи с 1980-х гг. общаются между собой в отдельных от

представителей школы дискурс-анализа панелях, секциях конференций и рабочих группах. Редко встречается и цитирование одной школы в работах представителей другой школы. Несмотря на то, что обе школы работают с текстами, дискурсами и с похожими исследовательскими проблемами (к примеру, расизм, национализм, миграция, социальные движения), диалог между представителями двух школ практически отсутствует.

Есть различия и в аналитических конструкциях, которыми оперируют представители школ. Одно из ключевых разногласий заключается в том, какие источники используются в исследованиях. Сторонники критического дискурс-анализа настаивают на том, что объектом исследования должны быть публичные и общественные дискурсы [12]. Следовательно, источники, которые произведены с участием самого исследователя (например, частные исследовательские интервью) не могут рассматриваться в качестве текстов, отражающих публичны или общественный дискурс, так как исследователь на них оказал влияние и они доступны только исследователю. Биографический метод по Г. Розенталь, напротив, основан преимущественно на материале, который производит сам исследователь в процессе взаимодействия с респондентом. Критический дискурс-анализ может быть применен, к примеру, к речи представителя государственных органов или к опубликованному интервью с активистом, и в таком методологическом контексте авторы текстов рассматривались бы как представители своего института или своей группы, и их слова анализировались бы тоже в институциональном контексте. Таким образом, помимо разницы в самих эмпирических источниках для биографических исследований и для критического дискурс-анализа, различается и понимание производства источников: в случае биографического метода ставится акцент на взаимодействии исследователя и респондента, что порождает уникальный рассказ, а в случае критического дискурс-анализа внимание уделяется институциональным рамкам текста, который производится определенной невидимой социальной и политической средой.

По этой причине в биографических исследованиях и в критическом дискурс-анализе по-разному проходит рефлексия на тему роли исследователя и нормативной позиции исследователя. При применении биографического метода по Г. Розенталь роль исследователя особенно важна на этапе проведения интервью, так как степень доверия и властные отношения между интервьюером и респондентом влияют на то, как респондент расскажет историю, которая потом ложится в основу анализа. Опыт исследователя также играет роль на этапе реконструкции биографии. Поэтому исследователи биографий часто стараются работать в группах, в которых несколько человек коллективно или по отдельности работают над реконструкцией кейса, потом сличают свои варианты реконструкций. В рамках критического дискурс-анализа по схеме Йегера исследователь

обязан обозначить свою нормативную позицию по отношению к предмету исследования с самого начала, при выборе темы исследования [14, р. 36]. Это необходимый шаг, так как критический дискурс-анализ нацелен на раскрытие идеологических и нормативных позиций в обществе или в рамках институтов, и исследователю необходимо сперва понять и обозначить собственное место в матрице властных отношений и иерархий, связанных с темой.

Из вышеперечисленных различий следует, что в рамках биографического подхода и критического дискурс-анализа по-разному поставлен вопрос агентности индивида. В то время как в биографических исследованиях индивид (респондент) является главным агентом в своей биографии и в обществе в целом, в рамках критического дискурс-анализа агентами являются институты. Согласно последнему подходу, структуры в обществе формируют общественный порядок и дискурсы, а дискурсы, в свою очередь, формируют общественный порядок и структуры.

Данные школы также по-разному трактуют соотношения специфического и общего. Исследователи биографий работают с особенностями отдельно взятого кейса и находят элементы общего в каждой специфической истории жизни. Критический дискурс-анализ же применяется к текстам, которые прошли отбор по отражению «общей» точки зрения института или группы. Для выявления «общей» позиции проводится анализ типичных фрагментов дискурса. Критический дискурс-анализ нацелен на понимание доминирующих в обществе, в группе, в определенной среде или в институте идеологий и нормативных позиций.

Наконец, базовое различие методов заключается в разнице между исследовательскими вопросами, которые рассматриваются с помощью биографического метода, и исследовательскими вопросами, на которые помогает ответить метод критического дискурс-анализа. Исследовательские вопросы в традиции биографической социологии как правило носят открытый характер и могут быть уточнены во время сбора и анализа эмпирического материала. Чаще всего эти вопросы связаны с индивидами как агентами в обществе. Методология критического дискурс-анализа позволяет ответить на вопросы о том, какие структуры и стратегии в текстах и в коммуникации играют роль в воспроизводстве иерархий.

Преимущества сочетания

В интерпретации Е. Рождественской биография имеет «двойную структуру»: она с одной стороны обусловлена социально и является следствием институциональных практик, с другой стороны сконструирована с помощью Я-концепции ее носителя [4, с.

74]. Перефразируя Хабермаса, Рождественская пишет: «биография открывается как символически предструктурированный объект» [4, с. 74]. Метод Г. Розенталя не позволяет нам понять характеристики этой символической структуры и институциональных практик. Ее метод реконструкции кейсов ставит акцент именно на кейсе в себе как на иллюстрации одного из возможных биографических путей. Реконструкция позволяет понять то, какие события в биографии привели к тому, что человек говорит о своем опыте определенным образом, но этот метод не рассчитан на отдельное рассмотрение тех институтов и структур, которые привели к этим событиям или сформировали именно такой рассказ. Чтобы ответить на вопрос о том, как и какими институтами формируется нарратив, необходимо обратиться к дискурсам в обществе и к тем структурам, которые эти дискурсы производят. Для этого требуется дополнительный методологический инструментарий.

Некоторые исследователи, изучающие биографии и идентичности, уже обратились к дискурсам, при этом не используя метод критического дискурс-анализа. Так, социолог культуры Стюарт Холл определил понятие «идентичность» как «временную привязанность к субъектным позициям, которые конструируют для нас дискурсивные практики» [18, р. 5]. Тем самым, в понимании Холла идентичность является «швом» между позицией субъекта и репрезентациями, структурами значения в обществе [18, р. 5] – иными словами, между биографией и дискурсами. Из этого следует, что некоторые исследователи биографий и общества пришли к тому, что существующих схем в рамках биографических исследований недостаточно для понимания нарративов и их конструирования. Это означает, что, для того, чтобы ответить на исследовательские вопросы биографических социологов, нужен инструментарий, который выходил бы за рамки изучения самих биографий и был бы настолько же структурированным, как метод изучения биографий. В таком контексте разумно обратиться к анализу социального контекста, институциональной или медийной среды через критический дискурс-анализ, так как такой подход позволяет биографическим исследователям продолжить интерпретативную работу с текстами и языком, при этом выходя за рамки нарративных интервью и прослеживая те же приемы и дискурсы в других источниках. Методы критического дискурс-анализа позволяют получить более полную картину о языке и о структурах значений и иерархий в релевантных для изучаемых биографий контекстах. Обращение к критическому дискурс-анализу дает возможность исследователю биографий выйти за пределы вопросов о пережитом и рассказанном, расширяя оптику до вопросов о том, как формируется рассказанное и что структурирует пережитое.

Критический дискурс-анализ может также стать дополнительным инструментом, с помощью которого в частных биографиях исследователь сможет вычлениить общие социальные тенденции. В большинстве современных биографических исследований общее вычлениется из специфического с помощью построения типов биографий, но обращение к дискурсам в обществе может послужить дополнительным ресурсом для понимания «общего» и как оно влияет на специфическое.

Нарративное интервьюирование, в свою очередь, может стать дополнительным инструментом, с помощью которого при изучении дискурсов исследователь может составить выборку источников для критического дискурс-анализа. Если в исследовании идет речь об определенной изучаемой группе людей, то в ходе нарративных интервью можно было бы выявить, какие именно дискурсы и мнения воспроизводятся респондентами, а также узнать, из каких источников респонденты узнают о воспроизводимых ими дискурсах. Нарративное интервьюирование, тем самым, может стать предшествующей стадией критического дискурс-анализа, которая указала бы, на какие источники исследователю стоит обратить внимание. Это решает проблему выборки в рамках критического дискурс-анализа.

Тем самым, критический дискурс-анализ предлагает инструментарий, который с сопоставимой с методом Розенталь степенью формализованности мог бы позволить понять, откуда берутся и как производятся дискурсивные практики, пронизывающие биографический нарратив. Также элементы биографического метода могут решить проблему выборки источников для критического дискурс-анализа. Сочетание столь разных методов позволило бы социологам работать с разнообразными эмпирическими данными, дополняющими друг друга, и рассматривать общество с двух сторон: с точки зрения индивида и его опыта, а также с точки зрения институтов и властных отношений, формирующих язык, с помощью которого индивиды описывают свой опыт.

Пример сочетания в эмпирическом исследовании

В данном разделе приведен пример социологического исследования, которое сочетает в себе метод биографических исследований и метод критического дискурс-анализа, что позволяет исследователю прийти к выводам, которые были бы невозможны без вовлечения обоих школ. Исследование посвящено репатриации в биографическом опыте российских немцев. Целью исследования является выявление последствий репатриации для идентичности переехавших в Германию российских немцев. В теме и в цели исследования ставится акцент на индивидуальном опыте (исследуются биографии репатриантов), но в ходе эмпирической работы появилась необходимость уделить

внимание и структурным элементам, которые обусловили переезд российских немцев в Германию и их последующую адаптацию. На стадии анализа материала реконструкция кейсов указала на существование доминирующего нарратива среди всех респондентов относительно их семейной истории, и последующий дискурс-анализ текстов из газет, журналов, с официальных сайтов, выставочных материалов указал на то, каким образом конструируется доминирующий нарратив репатриации. Ниже продемонстрирован процесс анализа материалов.

Понимание идентичности в данном исследовании основывается на концепции «нарративной идентичности». Нарративная идентичность – это осознание человека себя во времени через рассказ и придание смыслов своему опыту и жизненному пути [4, с. 85]. Этот подход основан на допущении, что рассказ делает социальные действия возможными, а социальные действия формируют, в свою очередь, новые рассказы. Так, нарратив является основой социальных процессов, а также институциональных и межличностных взаимодействий [19, р. 621]. Нарративную идентичность можно раскрыть, проанализировав биографические интервью.

Первая стадия исследования заключалась в проведении и анализе нарративно-биографических интервью. Корпус включает в себя интервью с 30 российскими немцами, проживающими в Германии (15 женщин, 15 мужчин). Респонденты в Германии представляют из себя гетерогенную группу выходцев из стран бывшего СССР. Первая выборка респондентов для глобального анализа была сделана по принципу теоретической выборки [20, р. 143; 21, р. 99]. Теоретическая выборка была сформирована, исходя из представлений о том, что в разных городах и поселениях могут быть различные условия для адаптации и социализации российских немцев. Выборка представляла из себя набор кейсов максимальной вариации, то есть представляющие все распространенные модели изучаемого явления (по месту проживания в Германии, по месту проживания в бывшем СССР, по уровню образования, по политическим предпочтениям, по религиозной принадлежности, по роду занятости в Германии). Далее, выборка для более глубокой реконструкции кейсов была сделана по принципу целевой выборки [22, р. 227; 23, с. 120]. Целевая выборка представляет из себя три кейса вариации по принципу политической ангажированности респондента.

На первой стадии исследования анализ биографических интервью показал, что доминирующий нарратив среди уехавших в Германию российских немцев заключается в следующей формуле: «Нас пригласила Екатерина II в Поволжье, где мы жили и трудились до репрессий при Сталине. Нас депортировали в Сибирь и в Среднюю Азию, где наши предки работали в трудовой армии. После окончания войны мы подвергались

дискриминации в СССР. Потом нас пригласил Гельмут Коль в Германию, и мы уехали из-за националистических настроений конца 1980-х и 1990-х.» Такой или похожий нарратив фигурировал в первой части интервью (в нарративном блоке) всех респондентов. Во время расспроса в течение второй части интервью во всех случаях, за исключением двух, ответы респондентов указывали на то, что их семейная история кардинально отличается от представленного в первой части интервью нарратива. Например, во время одного из интервью, респондент очень много рассказал о своей семейной истории. Но на стадии расспроса о деталях семейной истории, выяснилось, что он ознакомился с историей в основном через материалы, распространяемые в интеграционном доме в его городе:

“Во-первых, я конечно начал спрашивать маму. Она очень удивилась: «А почему тебя это волнует?» Сначала, придя в эту некоммерческую организацию [в интеграционный дом], мне дали какую-то информацию по этому поводу, я удивился, что такое было вообще, потому что не знал ни о какой депортации, ни о чем вообще. И в этом направлении я начал все это смотреть и рассматривать... Я сначала здесь [в интеграционном доме] узнал достаточно много, а потом начал родителей расспрашивать, потому что начал это переносить на свою семью и хотел понять, как это и что. Я понял, что мои родители тоже немного об этом знают, потому что им тоже мало рассказывали. Но тогда еще был мой дедушка живой и я у него начал спрашивать. [...] Он сказал: «А что тебе надо?» Он во-первых говорил на немецком языке, на таком старом швабском немецком языке. [...] Он мне рассказал, что он был в Крыму, он рассказал, что в ходе депортации потерял чуть ли не всю семью и он рассказал, что они приехали туда, и все. Больше он ничего не рассказывал: он не рассказывал, как им было трудно, как они жили там, он был еще маленьким тоже тогда.»

Интервью указали на то, что российские немцы, эмигрировавшие в Германию, представляют коллективный миф в качестве личной истории.

Вторая стадия исследования была посвящена вопросу о том, как формируется этот коллективный миф. На этой стадии был проведен критический дискурс-анализ публикаций, документов, которые связаны с российскими немцами, с переселением и интеграцией российских немцев и с государственной политикой по отношению к российским немцам. Мы обратились к материалам, которые распространяются в лагерях для переселенцев, в интеграционных домах, на культурных мероприятиях для российских

немцев. В приложении 1 приведен список источников, составленный по схеме З. Йегера во время подготовительной стадии дискурс-анализа.

Источники отбирались по принципу релевантности по отношению к теме социальных последствий репатриации в биографическом опыте российских немцев. Так как мы выявили из биографических интервью, какие именно у респондентов бывают источники знаний о российско-немецкой истории и какие есть места сбора российских немцев, мы обратились к этим источникам и к этим «местам», провели в этих местах сбор информации и включенные наблюдения с ведением протоколов и дневников, и составили список источников дискурсов. На стадии формирования списка источников мы решили освещенную проблему выборки в рамках метода критического дискурс-анализа: наша выборка формировалась на основе информации, полученной из биографических интервью, тем самым сужая спектр возможных источников и позволяя нам сконцентрировать свое внимание только на тех текстах, которые могли оказать непосредственное влияние на наших респондентов, так как они были найдены в тех «местах», на которые респонденты ссылались во время интервью.

Был проведен структурный анализ каждого источника по З. Йегеру. Этот процесс включал в себя описание типа текста, главных тем, заголовков и подзаголовков, символики, краткое содержание, и т. д. На основе структурного анализа каждого источника и сравнения источников между собой были выделены типичные фрагменты дискурса. В качестве примера типичного фрагмента можно привести номер журнала *Volk auf dem Weg* («Народ в пути») января 2014 г., который раздается в лагере для переселенцев и в интеграционном доме в Берлине. В приложении 2 представлена выдержка из этого текста и продемонстрирован сокращенный вариант анализа текста.

Фрагмент типичен для журнала *Volk auf dem Weg* и для других исторических текстов из перечня источников, потому что он затрагивает тему истории семьи в контекстах Екатерины Второй, депортации и трудовой армии в СССР, а также подчеркивает принадлежность российского немца к Германии в исторической перспективе. Визуальным дополнением текста является фотография главного героя статьи, Роберта Губера. В данном журнале почти не встречаются фотографий или картин, которые не являлись бы портретами героев статей. В тексте важны связи между семейной историей главного героя, его отношением к Германии как к родине, и его ролью в Землячестве российских немцев. Общий замысел текста – это рассказ об истории одной семьи в контексте истории Германии и репрессий в СССР, и конструирование данной истории в качестве генерализируемого нарратива других российско-немецких семей.

Критический дискурс-анализ всех источников показал, что все государственные и общественные институты и организации для российских немцев (например, землячество, культурные центры, интеграционные центры, клубы для молодежи) так или иначе затрагивают тему истории российских немцев. Критический дискурс-анализ также позволил выявить официальную концептуализацию места истории российских немцев в историческом нарративе ФРГ в целом и показал, что российские немцы представлены в доминирующем официальном дискурсе в ФРГ в качестве жертв советских репрессий, в качестве людей, чей «дом» на протяжении многих поколений — это Германия, и в качестве группы, которая нашла историческую справедливость при переезде в ФРГ.

В результате анализа интервью и критического дискурс-анализа материалов удалось зафиксировать некоторые тенденции в рассказах респондентов и в позиции государственных организаций и институтов по вопросам миграции и истории российских немцев. Во-первых, анализ тридцати биографических интервью уехавших в Германию российских немцев указал на присутствие четкого доминирующего нарратива в их рассказах о себе. Во-вторых, анализ институциональной среды российских немцев в Германии указал на существование механизмов производства и распространения данных нарративов со стороны государственных структур.

Сочетая данные из биографических интервью и данные из последующего дискурс-анализа нам удалось продемонстрировать, как нарратив истории российских немцев структурируется институциональными «фильтрами», через которые проходят и в формировании которых участвуют российские немцы в Германии. Взаимодействие с этими фильтрами начинается с момента сбора и подачи документов на выезд в Германию, когда российские немцы должны доказать свою этническую принадлежность к немецкому народу, что часто требует поиска документов в архивах и выписывание истории семьи. Далее, конструирование и переписывание семейной истории в терминах, предлагаемых немецкими властями, продолжается на территории Германии после переезда в лагерь для переселенцев, где российские немцы проходят интервью и получают литературу (в форме нормативно-правовых актов, а также в форме журналов и газет) про свой новый статус и открывающиеся перед ними возможности в Германии. После распределения российских немцев в города проживания, нарративы истории «народа» структурируются в общественных организациях российских немцев, которые финансируются государственными грантами, и их социальные и культурные программы отвечают повестке дня государственных структур относительно российских немцев. Эти фильтры формируют нарратив идентичности и семейной истории. Те российские немцы (как правило, представители младших поколений), которые мало знают о своей семейной

истории, получают сведения о коллективной истории российских немцев со стороны немецких государственных структур и присваивают эти нарративы себе. Представители более старших поколений присваивают себе эти нарративы потому что от оформления сведений об их семейной истории зависит их юридический статус в Германии. Таким образом, доминирующие нарративы истории российских немцев формируются государством и основываются на идее о репрессированных в СССР этнических немцах.

Заключение

Приведенный в данной статье пример исследования демонстрирует, что в некоторых случаях целесообразно сочетать биографический метод и критический дискурс-анализ, чтобы получать более полную картину контекстов, с которыми работает исследователь. Чтобы найти способы совмещать эти методы, биографическим и дискурс-аналитическим социологам необходимо выйти за рамки своих академических сообществ и вступить в диалог друг с другом. Сочетание подходов помогает ответить на исследовательские вопросы, которые ставят социологи, так как двойная биографически-дискурсивная оптика позволяет увидеть общество с двух сторон: со стороны частной биографии, и со стороны институтов, которые оказывают влияние на ее формирование.

Для понимания каждой биографии важен анализ среды. Тут инструментальный критического дискурс-анализа позволяет подступиться как раз к социальной и политической среде респондентов. Но вычленив границы «среды», то есть понять, какая именно дискурсивная нить относится к данной биографии, не всегда просто. Дискурсивную нить необходимо искать, отталкиваясь от текста нарративно-биографического интервью. Это означает, что исследователь должен зафиксировать в биографических рассказах элементы общественных дискурсов и «искать» истоки этих дискурсов в тех контекстах, откуда их взял сам респондент. В случае приведенного примера исследования российских немцев в Германии, исследователь физически поехал по тем местам и организациям, через которые прошли респонденты во время своего переезда и адаптационного периода в Германии. Сбор материалов во всех этих местах помог понять границы эмпирических источников для критического дискурс-анализа, тем самым решая описанную выше проблему выборки в рамках данного метода. Далее, исследователь возвращается к интервью и прослеживает стратегии присвоения дискурсов российскими немцами при описании собственного опыта. Это раскрывает тип позиционирования себя и причины позиционирования себя определенным образом со стороны респондента.

Поиск новых сочетаний существующих методов позволит исследователям преодолеть диктуемые традициями парадигмы и работать, основываясь на эмпирике. Сочетание биографического метода и критического дискурс-анализа, к примеру, может позволить проанализировать более сложный корпус материалов, чем эти методы позволили бы по-отдельности. Это, в свою очередь, может помочь исследователю прийти к более многослойным заключениям относительно объекта исследования. По этой причине важно развивать диалог между представителями разных школ, чтобы находить новые способы работы с многомерными феноменами современного социального мира. Таким путем можно внести вклад и в уточнение методологического инструментария социологов, и в улучшение нашего понимания социальных явлений, и в развитие социологии как единой дисциплины, а рамках которой представители разных направлений могли бы общаться друг с другом на общем языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wundrak R.* Geschichten über versus Geschichten von?! Eine triangulierende Diskursanalyse am Beispiel der chinesischen Community in Bukarest // *Methodologie und Praxis der Wissenssoziologischen Diskursanalyse.* / ed. Keller R., Truschkat I. Wiesbaden: Springer Fachmedien VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2013. С. 249–279.
2. *Pohn-Weidinger M.* Heroisierte Opfer: Bearbeitungs- und Handlungsstrukturen Von “Trümmerfrauen” in Wien. Wiesbaden: Springer-Verlag, 2014.
3. *Рождественская Е.Ю.* Хакамада – опыт деконструкции политической биографии // *Гендерные Исследования.* 2010. Vol. 20, No. 21. С. 149–165.
4. *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
5. *Rosenthal G.* Interpretative Sozialforschung: Eine Einführung. Auflage: 4. Weinheim u.a.: Beltz Juventa, 2014. 256 с.
6. *Bude, H.* Der Sozialforscher als Narrationsanimateur: zur Kritik einer erzähltheoretischen Fundierung der interpretativen Sozialforschung // 22. Deutscher Soziologentag. 1985.
7. *Alheit P.* »Biographizität« als Lernpotential: Konzeptionelle Überlegungen zum biographischen Ansatz in der Erwachsenenbildung // *Erzieh. Biogr.* / ed. Krüger H.-H., Marotzki W. VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. С. 276–307.
8. *Brown G.* Discourse Analysis. Cambridge University Press, 1983. 306 с.
9. *Gee J.P.* An Introduction to Discourse Analysis 4th Edition: Theory and Method. Routledge, 2014. 249 с.
10. *Edelman M.* Political Language and Political Reality // *PS Polit. Sci. Polit.* 1985. Vol. 18, No. 01. С. 10–19.
11. *Wodak R.* Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. John Benjamins Publishing, 1989. 310 с.
12. *Van Dijk T.A.* Principles of Critical Discourse Analysis // *Discourse & Society.* 1993. Vol. 4, No. 2. С. 249–283.
13. *Link J., Hörisch J., Pott H.G.* Elementare Literatur und generative Diskursanalyse. München: W. Fink, 1983.
14. *Jäger S., Maier F.* Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis // *Methods of Critical Discourse Analysis.* SAGE, 2009.
15. *Fairclough N.* Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. Routledge, 2013.
16. *Keller R.* Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. Auflage: 3., aktualisierte Aufl. 2007. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007.
17. *Antaki C.* et al. Discourse analysis means doing analysis: a critique of six analytic shortcomings. 2003.
18. *Hall S.* Introduction: Who Needs “Identity”? // *Questions of Cultural Identity.* L.: SAGE, 1996.
19. *Somers M.R.* The narrative constitution of identity: A relational and network approach // *Theory and Society.* 1994. Vol. 23, No. 5. С. 605–649.
20. *Corbin J., Strauss A.* Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. SAGE, 2008.
21. *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis. SAGE, 2006.
22. *Mason J.* Qualitative Researching. Londn: SAGE, 2002.
23. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. 2-е изд. Москва: Университет, 2002.

Приложение 1

**ИСТОЧНИКИ ДЛЯ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА ДИСКУРСИВНОЙ НИТИ
“РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ В ГЕРМАНИИ”**

Название источника (категории источников)	Происхождение источника	Релевантность для исследования
Журнал землячества российских немцев <i>Volk auf dem Weg</i> (журнал целиком)	Лагерь Фридланд и интеграционные дома в Берлине и в Гамбурге	Самый тиражируемый журнал в Германии, целевой аудиторией которого являются российские немцы. Журнал распространяется в интеграционных домах, в лагере для переселенцев, а также по почте. Для только что приехавших в Германию российских немцев дается скидка на подписку, которую легко приобрести в лагере или в интеграционном доме. Журнал издается землячеством российских немцев в Германии, которое имеет представителей по всей стране, и лидеры которого политически активны на местном и федеральном уровнях.
Эссе победительницы конкурса организации «Deutsche Gesellschaft e.V.» на тему «сколько родины нужно человеку?»	Организация «Deutsche Gesellschaft e.V.»	Текст, победивший конкурс эссе на тему «сколько родины нужно человеку», отвечает доминирующим в организации «Deutsche Gesellschaft e.V.» представлениям о том, что такое «родина». Проведение данного конкурса указывает на приоритетность государственных органов, которые финансировали конкурс, вбросить в дискурсивное пространство Германии обсуждение того, что такое родина. Наличие побудителя указывает на то, что одно из поданных на конкурс эссе наиболее интересным образом актуализирует данную тему, и такая актуализация поощряется государством и организацией «Deutsche Gesellschaft e.V.».
Плакаты и тексты с плакатов выставки истории российских немцев в Берлине	Выставка истории российских немцев в Берлине	Данная выставка была профинансирована берлинским интеграционным домом «Ли́ра», главой городского района Марцана, и партией «Die Linke» (Левая партия Германии). Финансирование выставки отражает приоритетность работы с историей российских немцев для политических организаций, которые участвовали в финансировании. На выставку водят школьников и пенсионеров на экскурсии, туда группами приглашают вносить прибывших российских немцев, и в выставочном пространстве проходят культурные мероприятия для российских немцев (концерты, стихотворные чтения, встречи литературного кружка). Следовательно, пространство выставки и представленные в нем фотографии и тексты регулярно на виду у различных групп посетителей, в том числе российских немцев.
Сайт интеграционного дома «Ли́ра» Берлине (сайт целиком)	Интеграционный дом «Ли́ра» в Берлине	В интеграционный дом «Ли́ра» приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на консультации по вопросам интеграции, трудоустройства, поиска жилья, юридических вопросов и вопросов перевода и сопровождения в немецкие государственные органы. Сайт предоставляет информацию об этих услугах интеграционного дома и о мероприятиях для российских немцев в Берлине.
Плакаты из интеграционного дома «Ли́ра» в Берлине	Интеграционный дом «Ли́ра» в Берлине	В интеграционный дом приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на

		Следовательно, пространство интеграционного дома и представленные в нем фотографии и тексты регулярно на виду у вновь прибывших или нуждающихся в услугах интеграционного дома российских немцев.
Сайт интеграционного дома в Гамбурге (сайт целиком)	Интеграционный дом в Гамбурге	В интеграционный дом приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на консультации по вопросам интеграции, трудоустройства, поиска жилья, юридических вопросов и вопросов перевода и сопровождения в немецкие государственные органы. Сайт предоставляет информацию об этих услугах интеграционного дома и о мероприятиях для российских немцев в Гамбурге.
Брошюры из интеграционного дома в Гамбурге	Интеграционный дом в Гамбурге	Брошюры являются источником информации для российских немцев о событиях, выставках, услугах в городе. Тот факт, что данные брошюры распространяются в интеграционном доме
Плакаты из интеграционного дома в Гамбурге	Интеграционный дом в Гамбурге	В интеграционный дом приходят российские немцы и русскоязычные мигранты на консультации. Следовательно, пространство интеграционного дома и представленные в нем фотографии и тексты регулярно на виду у вновь прибывших или нуждающихся в услугах интеграционного дома российских немцев.
Журналы из пограничного лагеря «Фридланд» для переселенцев (журналы целиком)	Пограничный лагерь «Фридланд»	Журналы лежат в залах ожидания для оформления документов в лагере и раздаются только что прибывшим в Германию российским немцам. Включенное наблюдение в лагере показало, что приехавшие читают или листают данные журналы, подолгу ожидая в очереди приема оформления своих документов. Тем самым, приехавшие российские немцы могут из журналов получить информацию о Германии, о российско-немецком сообществе, и сформировать на основе этого некоторые первые впечатления о стране и об общине.
Официальный сайт пограничного лагеря «Фридланд» для переселенцев (сайт целиком)	Пограничный лагерь «Фридланд»	На официальном сайте лагеря размещена историческая справка о лагере, информация о том, кто в нем размещен и какие организации там работают. Сайт отражает усредненную текущую политическую позицию властей ФРГ по вопросам, связанным с миграцией и размещением мигрантов в лагере.
Экскурсия из пограничного лагеря «Фридланд»	Пограничный лагерь «Фридланд»	Экскурсия по лагерю, проведенная сотрудником лагеря, велась по официальным заметкам, которые хранятся в лагере специально для экскурсий. На экскурсии приезжают рабочие коллективы на корпоративы, школьники, пенсионеры, научные исследователи, а также люди, которые ранее проживали в лагере при переезде в Германию. Экскурсия затрагивает темы использования пространства, позиции ФРГ по отношению к мигрантам, истории миграции и переезда через лагерь; описываются распорядок дня и быт в лагере, деятельность организаций, представленных на территории лагеря, а также символику памятников в лагере. Экскурсовод показал и музей истории лагеря, а также рассказал о планах обустройства нового музея в будущем.

		Экскурсия важна потому что она отражает официальную позицию представителей лагеря относительно функций и работы лагеря, но при этом содержит в себе элементы личного субъективного рассказа экскурсовода, который там работает. Экскурсия помогает зафиксировать элементы обустройства лагеря и отражает то, как сотрудники и власти (госслужащие) хотят позиционировать лагерь для внешних гостей. Позиционирование лагеря вписано в некоторые официальные дискурсы об иммиграции и о российских немцах в Германии.
Выставочные материалы (фото, тексты) из музея «Фридланд»	Пограничный лагерь «Фридланд»	Музеификация действующего лагеря отражает конструирование места лагеря в исторической перспективе и место лагеря по отношению к различным группам мигрантов. Музей отражает то, каким образом лагерь вписан в историю Германии, и как мигранты вписаны в национальную идентичность ФРГ.
Памятники на территории пограничного лагеря «Фридланд» и рассказ о них из экскурсии	Пограничный лагерь «Фридланд»	Памятники на территории лагеря наделены символикой, связанной с миграцией в Германию. Они занимают много пространства в центральной части лагеря.
Аудио-запись, транскрипт и наблюдения (ведение заметки в дневнике) встречи российских немцев с депутатом бундестага от христианско-демократического союза (партия <i>CDU</i>) Германии	«Русский дом» при посольстве РФ в Берлине	Данная встреча показывает, как российские немцы общаются с депутатом бундестага, и какая повестка дня существует у партии христианско-демократического союза по отношению к российским немцам.
Аудио-запись и транскрипт встречи российско-немецких общественных деятелей с грантодателями для планирования фестиваля « <i>Deutsch-Russische Festtage</i> » («Немецко-российские праздничные дни»).	Интеграционный дом «Ли́ра» в Берлине	Данная встреча показывает, как аргументируют важность проведения мероприятия подающие на грант общественные деятели, и какие требования к ним и к мероприятию выдвигает грантодатель в виде представителя государственной организации.
Сайт Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (домашняя страница, http://www.bamf.de/DE/Startseite/startseite-node.html)	Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев	На сайте размещена юридическая информация для российских немцев. Там самым, сайт отражает политику ФРГ по отношению к переселенцам через юридические нормы.

Приложение 2

ПРИМЕР “ТИПИЧНОГО ФРАГМЕНТА” И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ДИСКУРСА О РОССИЙСКИХ НЕМЦАХ В ГЕРМАНИИ

Статья «Круг замкнулся»: Роберт Губер воссоздал хронику 250 лет семейной истории». автор: Нина Паульсен		
Журнал <i>Volk auf dem Weg</i> («Народ в пути», январь 2014, страница 37 ³)		
Текст типичного фрагмента	Кодирование	Примечания
<p>Любимое занятие Роберта Губера в свободное время – это изучение генеалогии...</p> <p>С эмиграции Людовика Губера около 250 лет назад началась семейная история, которую разделяют многие колонисты. Роберт Губер, потомок в восьмом поколении, перевез семью обратно в Германию. Это десять поколений Губеров.</p> <p>«Круг замкнулся. Я переехал обратно в то место, где началась моя семейная история с приглашения Екатерины,» - сказал Роберт Губер во время интервью на мероприятии, проведенном совместно гамбургским отделением землячества и гамбургским Обществом немцев из России в Музее этнографии Гамбурга в ноябре 2013 г.</p> <p>Благодаря стараниям Роберта Губера у Землячества немцев из России славится очень хорошей репутацией и в земле Шлезвиг-Гольштейн. Особенно продуктивно прошли последние пять лет: было активно поддержано и проведено множество мероприятий.</p> <p>Роберт Губер родился в 1937 г. в Бальзере в бывшей республике поволжских немцев. В 1941 г. он и его родители были депортированы в Казахстан. Так как его родители были мобилизованы для работы в трудовой армии, Губер был помещен в детский дом на шесть лет. Он вырос в Целинограде и там учился в школе. Он получил высшее образование, основал семью и был главой электроэнергетического предприятия в Атбасаре.</p>	<p>История семьи</p> <p>История семьи Другие российские немцы «обратно» в Германию</p> <p>«обратно» в Германию</p> <p>Землячество Община российских немцев</p> <p>Землячество Активное землячество Община российских немцев</p> <p>История семьи Поволжская республика Депортация Жертвы</p> <p>Образование Карьера Семья</p>	<p>Начало истории в статье трактуется как отъезд из Германии, а заключение истории – возвращение в Германию.</p> <p>Генерализация истории одной семьи. Фраза «обратно в Германию» всплывает много раз в статье: в ней содержатся идеи о связи поколений и о том, что пребывание нескольких поколений одной семьи на Волге и в республиках СССР – это лишь временный период, который закончился логическим образом – возвращением. Интерес Губера к собственной истории семьи помещен в контекст деятельности и репутации Землячества и другой российско-немецкой организации. Слова «активно поддержано» могут подразумевать грант.</p>

³ Перевод О.И. Зевелевой